

В. Осипова

### М. Налбандян о проблеме детерминизма и свободы воли

Вопрос о взаимоотношении свободы и необходимости является одним из основных вопросов философской теории, над решением которого упорно билась домарксовская философская мысль. Эта проблема в истории философии очень часто рассматривалась как проблема взаимоотношения детерминизма и свободы воли.

Как известно, домарксовская философия не могла дать правильного научного понимания этой проблемы. Громадное большинство материалистов, признавая обусловленность человеческих поступков внешними обстоятельствами, приходило к идее абсолютного детерминизма. Необходимость, в их понимании, исключала возможность свободного выбора человеком того или иного образа действия, всякую возможность свободного проявления человеческой воли. Поэтому старый материализм не был в состоянии ответить на вопрос о роли самого человека в создании „обстоятельств“, не давал научной основы для решения вопроса о моральной ответственности человека за свои поступки.

Идеалистическая философия, развивая активную сторону этой проблемы, признавая в лице ряда своих представителей свободу воли человека в совершении тех или иных поступков, в то же время отрицала обусловленность воли людей объективной необходимостью действительности.

Понятно, что в конечном итоге признание абсолютной свободы воли вело к тому же отрицанию объективной оценки и ответственности человека за свои поступки, как и учение об абсолютной обусловленности человеческой воли.

Взаимоисключающее противопоставление детерминизма свободе воли, характерное как для идеализма, так и для домарксового материализма, на деле обусловлено механическим пониманием необходимости, с одной стороны, и идеалистическим пониманием свободы воли — с другой. Свободу и необходимость в диалектическую связь впервые поставил Гегель. Но облек он ее в крайне абстрактную, мистифицированную форму и, следовательно, также не мог дать научного решения вопроса. Окончательно решить этот вопрос смогла только марксистская философия.

Выдающийся армянский мыслитель-материалист М. Налбандян, один из крупных представителей революционно-демократической идео-

логии, естественно, не мог обойти в своих трудах вопрос о соотношении необходимости и свободы воли.

Взгляды Налбандяна на эту проблему говорят о широте его мировоззрения, о его умении глубоко схватывать сущность явлений, понимать их в диалектической взаимосвязи.

Налбандян исходит из признания объективной необходимости, существующей в природе. Эта необходимость находит свое проявление, свою реализацию в закономерностях действительности. Законы природы объективны. „В мире нет ничего, — писал М. Налбандян, — что совершалось бы против законов природы. То, что противоречит законам природы, — ложно“ (стр. 572)<sup>1</sup>.

Налбандян, исходя из наличия этой объективной закономерности, необходимости в природе, приходит к выводу, что человек не ответственен за законы природы, что он не может их упразднить или уничтожить (см. стр. 529).

Однако проповедь последовательного детерминизма не приводит Налбандяна к фатализму. Наоборот, он дает развернутую критику фаталистической теории предопределенности человеческого поведения. Налбандян показывает, что несостоятельность этой теории, тщетность ее попыток объяснить всякое явление божественной предопределенностью доказывается самим развитием науки, дающей реальное объяснение всем на первый взгляд загадочным явлениям.

Несмотря на признание существования объективной необходимости детерминизма, Налбандян отнюдь не отрицает свободу воли. Еще в 1858 г. в своей известной статье „Замечания“ Налбандян, правда, еще на идеалистической основе, подчеркивает огромную роль целенаправленной воли человека, призванной свободно избирать образ действия для решения стоящих перед ним задач. Несколько преувеличивая роль свободной воли человека, Налбандян в указанной выше статье писал: „Данная провидением человеку сознательность в стремлениях, воля является его определяющим характером, этим он отличается от неодушевленной природы, именно эта воля и делает его нравственным существом. Как бы низко ни пал человек, — продолжал Налбандян, — тем не менее для него всегда есть возможность подняться, лишь бы не перестала действовать его воля. Для человека хуже всего смерть его воли, впадение в сон и уныние, потеря веры в себя и полное ее отсутствие. В таком случае человек теряет смысл своего существования и свое достоинство“ (стр. 152).

Эволюционируя от идеализма к материализму, Налбандян в дальнейших своих трудах отнюдь не становится на позиции абсолютного детерминизма, отрицавшего, как известно, какое-либо свободное проявление человеческой воли. Наоборот, он упорно ищет разрешения

<sup>1</sup> Эта и все последующие цитаты приводятся по книге М. Налбандяна „Избранные философские и общественно-политические произведения“, Москва, 1954.

старой антиномии между детерминизмом и свободой воли. К чести армянского мыслителя, эти поиски во многом были плодотворны.

Налбандян пытается установить диалектическую связь между детерминизмом и свободой воли.

Свободу с необходимостью, по Налбандяну, соединяет „точный математический расчет“, основанный на сознании, на воле, т. е. возможность сознательно, планомерно рассчитывать и направлять деятельность человека. Именно благодаря этому человек перестает быть машиной, становится свободным в своих действиях существом.

Налбандян фактически выражает ту мысль, что пока человек не знает законов природы, он раб природы. Познав же эти законы, научившись ими управлять, т. е. говоря словами Налбандяна, „научившись вести точный математический расчет“, человек становится из бездумной машины господином природы и обретает полную свободу (см. стр. 451—452).

Налбандян считает, что именно этот точный математический расчет ведет общество к гармонии и избавляет человека от превращения его в слепую силу. Человек, по Налбандяну, должен ставить перед собой только выполнимые, осуществимые задачи; в противном случае это будет пустым фантазерством, самообманом. „Надежда же не что иное, как следствие точного расчета. До тех пор, пока надежда не опирается на точный расчет, это не надежда, а самообман“ (стр. 452).

Человечество может обуздать природу, направить ее могучие силы на служение себе, только познав закономерности действительности. Нужно изучить законы природы и планомерно их использовать; в этом случае даже на первый взгляд кажущееся губительным для человека явление природы перестанет быть таковым и может быть поставлено на службу обществу. „Природа — огонь, — пишет Налбандян, — сожрет, если обращаться с ней грубо, но в то же время природу можно обуздать, если выступать против нее планомерно, обдуманно, природными же средствами. Хоть тысячи лет возводи гигантские, подобно Масису, горы, чтобы защитить себя от молнии, — разве смог бы ты это сделать, если бы Франклин не изобрел громоотвод? Оказалось, что природа сама дает в твои руки оружие — железный шест, который отводит действие электричества, точно выливает воду на пылающий огонь, и спасает тебя и твой дом от пожара“ (стр. 566).

Отсюда ясно, что Налбандян не проводит резкой, непреходимой грани между необходимостью, с которой совершаются законы природы, и свободой, т. е. возможностью познать и направлять эти законы, а, наоборот, ставит их в непосредственную, диалектическую связь.

Налбандян фактически высказывает мысль о том, что человек потому-то именно и имеет возможность быть свободным, что в природе все подчинено строжайшей закономерности. Познавая вещи, человек учится господствовать над ними, значит он становится свободным.

Непосредственное приближение к правильной диалектической постановке вопроса о соотношении необходимости и свободы позво-

дано Налбандяну найти место и роль воли в целенаправленной деятельности человека. Именно признание объективной необходимости, господствующей в действительности, с одной стороны, и возможности свободного волевого акта, направленного на познание и использование природных сил, с другой—создает условия для истинной свободы человека. Таким образом, по Налбандяну, свобода воли есть не что иное, как активное, целенаправленное действие человека, в соответствии с закономерностью действительности.

Как мы отметили, уже в ранних трудах Налбандяна наблюдается определенное преувеличение роли воли в деятельности человека. Момент некоторого преувеличения характерен и для мировоззрения Налбандяна зрелого периода. Эта крайность, обусловленная, в частности, антигетерономной направленностью мировоззрения Налбандяна, ставившей целью пробудить сознательность и творческие силы индивида, в определенной мере скрашивается тем обстоятельством, что, по существу, воля, по Налбандяну, есть стремление действовать согласно познанной необходимости. Именно этот момент и доказывает, как далек Налбандян от волюнтаризма, несмотря на ту решающую роль, которую он подчас отводит воле.

\* \* \*

Налбандян пытается решить также вопрос о соотношении детерминизма и свободы воли в общественной жизни.

Видя в истории не хаос случайностей, не нагромождение ничем не обусловленных фактов, развивая идею о существовании причинной обусловленности, необходимости и закономерности и в социальных явлениях, Налбандян стремится постичь основные законы общественной жизни.

Отвергая всякое сверхъестественное начало в объяснении социальных явлений, резко критикуя проявления феодального клерикализма в вопросах общественного развития, Налбандян уже в первом своем произведении—„Речь об армянской словесности“—ищет закономерности общественного развития в обстоятельствах жизни народа. Правда, пока для него эти закономерности связаны и обусловлены абстрактным „духом народа“, в который он, кстати, включает и религиозные убеждения.

Лишь в дальнейшем, материалистически решив основной вопрос философии и встав на позиции революционного демократизма, Налбандян стал непосредственно связывать вопрос о закономерности общественного развития с экономическим вопросом, с „вопросом жизни и смерти“.

Революционер-демократ Налбандян фактически ищет определяющую закономерность, ведущую тенденцию общественного развития в материальном бытии общества, в его экономической структуре. Именно в этом смысле и можно говорить о зачатках материалистического подхода к вопросам социологии у армянского революционера-демократа в зрелый период его творчества.

Рассматривая экономическую проблему как необходимость, Налбандян в решении этой проблемы видит обязательную, закономерную тенденцию общественного развития. Он указывает, что „невозможно обновить основы армянской нации, придать ей силу и мощь, пока нация, простой народ, нуждается в насущном куске хлеба, пока для него не решен экономический вопрос“ (стр. 426).

Постановкой вопроса об экономической закономерности, как решающей форме проявления необходимости, Налбандян приближается к позициям материалистического детерминизма.

Однако Налбандян не смог последовательно удержаться на этих позициях в силу своей классовой и исторической ограниченности. Во-первых, Налбандян был далек от последовательно материалистического понимания сути экономической проблемы, как единства производительных сил и производственных отношений, составляющих способ производства. Во-вторых, он, входя в некоторое противоречие даже со своей постановкой вопроса об экономической проблеме, как ведущей тенденции общественного развития, ставил в конечном счете сами экономические отношения в зависимость от сознания, человеческого разума, науки.

Тем не менее, выделением экономической проблемы в качестве основной закономерности общественного развития Налбандян делает шаг к материалистическому пониманию истории.

Признание экономического фактора ведущей тенденцией общественной необходимости обусловило и приближение Налбандяна к правильному пониманию деятельности народных масс, как общесоциологической закономерности.

Резко противопоставляясь волюнтаристическому пониманию общественного развития, Налбандян развивает прогрессивную мысль о том, что воля народных масс, направленная по пути исторической закономерности, фактически решает судьбы истории. Свобода, понимаемая им как выражение необходимости, может быть завоевана только самим народом, который выступает не как пассивная толпа, не как безвольная масса, повинующаяся воле великих людей, а как „опора нации и ее рычаг“.

Личность может сыграть историческую роль только в зависимости от степени ее понимания объективной необходимости, закономерности, от степени осознания интересов народа, ее связи с народом (см. стр. 149).

Правда, Налбандян еще далек от научного объяснения роли народных масс в истории, но в данном случае главное то, что он правильно понял принципиально-решающее значение этой роли, как проявления закономерности общественного развития.

Однако, оставаясь идеалистом в понимании вопросов общественной жизни, не избавившись от ахиллесовой пяты всей домарксовской материалистической философии, Налбандян, естественно, не мог прийти до научного понимания проявления детерминизма в общественной

жизни. Механицизм и антропологизм мировоззрения Налбандяна дают о себе знать и в решении этой проблемы.

Признавая существование необходимости в общественной жизни, Налбандян в значительной мере отождествляет детерминизм в социальных явлениях с проявлениями необходимости в явлениях природы. По Налбандяну, закономерность и необходимость в общественной жизни в определенной степени обусловлены тем, что человек является неотделимой частью природы. „Да, законы природы, — пишет Налбандян, — осуществляются с математической точностью, и человек, как часть природы, и человеческая жизнь, как явление природы, подчиняются и развиваются по таким же законам, как природа“ (стр. 451).

Однако, несмотря на определенный налет антропологизма, идеи Налбандяна о детерминированной обусловленности явлений общественной жизни, особенно его плодотворные попытки нащупать ведущую закономерность социального развития, были глубоко прогрессивны для домарксовской теории общества.

В тесной связи с детерминизмом рассматривает Налбандян и проблему свободы, считая ее в общественной жизни познанной необходимостью.

Не отождествляя философскую категорию свободы со свободой в политическом смысле, Налбандян в то же время рассматривает эти проблемы в единстве и взаимообусловленности.

Вообще необходимо отметить, что проблема свободы является одной из центральных проблем мировоззрения революционера-демократа Налбандяна. Тема завоевания свободы для угнетенного большинства народа является основным лейтмотивом и конечной целью всей его теоретической и практической деятельности.

Проблему свободы Налбандян ставит в непосредственную связь с конкретным материальным бытием общества, с его социальной структурой. Больше того. Обращаясь к современной действительности, указывая на вопиющие несправедливости социальной жизни, безоговорочное узурпирование материальных и моральных прав народа крепостниками и их правительствами, Налбандян смело указывает пути избавления, выхода из этого состояния. Этот путь, прежде всего, в решении экономического вопроса. „И пока экономический вопрос, этот гордиев узел, не разрешен, — пишет Налбандян, — общество не может быть свободным ни в социальных, ни в семейных отношениях. Пусть, если угодно, хоть сорок раз меняют форму правления, но пока одна часть общества владеет землей, другая же часть остается нищей, — там будет царить насилие“ (стр. 407).

Таким образом, Налбандян возможность политической свободы выводит из наличия экономической. Свобода вне экономического вопроса — это воображаемая свобода, политическая свобода без экономической немыслима. Так, в „Земледелии...“ Налбандян с присущей ему публицистической страстностью доказывает, что лозунг „свобода, равенство, братство“, выражающий, как считают, „подлинные нравствен-

ные и естественные принципы“, — это пустые слова, если общество не свободно в своих экономических отношениях.

Одна политическая свобода без экономической сплошная фикция, ибо само рабство вскормлено материальной нуждой и держится на ней.

В том же „Земледелии...“ Налбандян окончательно формулирует свое революционно-демократическое понимание взаимоотношения политической и экономической свободы, подчеркивая, что „свобода сама по себе — лишь слово и действительное ее осуществление невозможно без разрешения экономического вопроса. Ни одно свободное правительство, ни одно свободное законодательство не в состоянии спасти человека от рабства, пока остаются непризнанными его права на землю“ (стр. 413).

Налбандян и в вопросах общественного развития пытается установить диалектическую связь свободы с необходимостью. Для него возможность свободы не противоречит необходимости. Наоборот, само право на свободу он стремится обосновать естественной необходимостью.

В этом смысле представляет определенный интерес постановка вопроса о соотношении свободы и необходимости в связи с теорией „естественного права“.

Теория „естественного права“, созданная, как известно, еще в античном мире, на протяжении всей истории философии неоднократно выдвигалась и использовалась различными философами, делавшими из нее не всегда одинаковые выводы. Революционные выводы, сделанные из теории „естественного права“, являются исторической заслугой Налбандяна.

С другой стороны, эта теория позволила Налбандяну фактически поставить вопрос о свободе, как форме проявления необходимости, бесспорно, конечно, на идеалистической основе. Право на свободу — есть необходимость, доказывает Налбандян. Человек рожден свободным, свобода — это врожденное качество человека, обусловленное отличающим его от животных разумом. „Свободу или возвышенное желание свободы осознал только человек, как разумное существо“ (стр. 170), — пишет он в одной из своих ранних работ — „Мхитар Себасти и мхитаристы“.

Налбандян ставит проблему „естественного права“ человека на свободу, как выражение закономерности, необходимости общественного развития.

Свобода естественна, необходима, и каждый человек должен в равной мере обладать ею.

Характерно, что закономерным Налбандян считает не только от природы присущее, органическое право человека на свободу и все его проявления, но и отклонения, нарушения этого права в связи с появлением частной собственности, с установлением отношений господства и подчинения.

Естественно, что отсюда также закономерно вытекает необходимость и право на борьбу за восстановление „естественного права“

человека на свободу. Интересно, что почти во всех выдающихся исторических событиях Налбандян видит, как проявление закономерности, прежде всего отставание этого попираемого „естественного права“. Восстановить это право можно только путем органического переустройства общества, разделенного на два лагеря, „из которых один имеет тысячекратно больше другого, а этот другой ничего“ (стр. 404).

Таким образом, из учения о „естественном праве“ человека на свободу, которое фактически рассматривается как необходимость свободы, Налбандян приходит к идее о закономерности и необходимости социальной борьбы за эту свободу.

Считая, что свобода, данная сверху, не больше утренней росы, Налбандян проводит революционно-демократическую идею о том, что народ приобретает потерянную свободу только отказавшись от покорности и став на путь активной борьбы за дело своего освобождения.

Социальное содержание, вкладываемое Налбандяном в понятие свободы, утверждение естественного, необходимого права на эту свободу, ставит его в один ряд с наиболее выдающимися представителями домарксовской материалистической мысли.

Свободу человек обретает не внутри самого себя, не отрехшись от окружающей действительности, а в результате активного воздействия на нее, в результате ее преобразования. Подлинная свобода, по Налбандяну, может быть осуществлена только в будущем обществе, построенном на принципах справедливости, истинных путей достижения которого он не нашел. В данном случае важно подчеркнуть, что Налбандян рассматривает утопически понятый им социализм не просто как мечту, а как необходимый, неизбежный результат развития общества. Иными словами говоря, он ставит вопрос о необходимости и закономерности социального переустройства общества.

Рассматривая закономерности общественной жизни, Налбандян отрицает наличие детерминированной обусловленности явлений отнюдь не противопоставляет возможности проявления свободы воли. Наоборот, человека он рассматривает не как пассивное существо, механически включенное в цепь необходимости, а как активного деятеля, который в силу самой необходимости должен преобразовать не только природу, но и социальную действительность.

В основу утверждения права на прогресс, на революцию Налбандян, естественно, ставит учение о свободе воли. Даже теорию „естественного права“ он использует для обоснования этой мысли.

Если для Гоббса естественной нормой этического поведения человека, его высшей добродетелью было вытекающее из теории „естественного права“ безоговорочное подчинение законам государства, независимо от их характера, то по Налбандяну истинная человеческая добродетель, вытекающая из того же собственного права человека, требует, чтобы он с оружием в руках отстаивал свободу, осыпал бы эту „величественную изгнанницу“ своей кровью. Человек рожден свободным, он имеет естественное право на свободу, и он должен во

что бы то ни стало, любой ценой, завоевать ее — таков революционный вывод, делаемый Налбандяном из учения о „естественном праве“. У Гоббса, бесспорно, — фактическое отрицание свободы действия, ввиду отчуждения прав общества государству; у Налбандяна фактически провозглашается необходимость свободы действия в борьбе за свободу.

Особый интерес представляет у Налбандяна постановка проблемы взаимоотношения свободы воли и свободы личности.

Отрицая существование недетерминированной свободы воли, как признания независимости ее от объективной необходимости, Налбандян, как было указано, не отрицает свободу воли в смысле выбора человеком своих действий, обусловленного наличием объективных возможностей. Он понимает, что в противном случае отрицание свободы воли означало бы превращение человека в слепой механизм и привело бы к признанию фаталистической предопределенности общественного развития. Свобода воли проявляется не в независимости от объективной необходимости, а в возможности и необходимости действий в согласии с этой познанной объективной необходимостью.

Диалектически рассматривая взаимообуславливающую связь свободы воли и свободы личности, революционер-демократ Налбандян развивает положение о том, что подобным образом действующая свободная воля освобождает человеческую личность. Иначе говоря, он проводит положение о том, что только свобода действия дает возможность борьбы за свободу личности. Только свободная воля может создать реальные возможности для борьбы за освобождение личности от социального угнетения. С другой стороны, Налбандян показывает, что свобода личности является необходимым условием всестороннего раскрытия свободы воли. По его убеждению, для возможности действия, для возможности наиболее плодотворного проявления свободы воли должна быть свободна личность человека. Свобода воли несовместима с эксплуатацией человеческой личности, „нет свободы там где существуют отношения господства и подчинения“ (стр. 453). Свобода воли несовместима с подчинением внешнему, навязанному авторитету; в безграничной свободе человеческой мысли, воли и заключается „существенное достоинство человека“ (стр. 462). „Мы признаем убеждение, — пишет Налбандян, — а не слепую покорность, не насилие приказа над сознанием, а сознательное исследование фактов и причин“ (стр. 453).

Итак, по Налбандяну, воля освобождает человеческую личность и, в свою очередь, получает полную свободу действия только тогда, когда свободна личность человека.

Понимание свободы воли, как свободы живой человеческой личности, позволило ему по-новому поставить вопрос о деятельной стороне воли.

В отличие от подавляющего большинства философов материалистического направления, отрицавших возможность активного воздействия человека на окружающую его среду, видевших в нем только

чувствующее существо, Налбандян рассматривает человека как личность и чувствующую и мыслящую, а деятельность воли рассматривает как деятельность этой личности.

\* \* \*

Новым и существенным, что внесла революционно-демократическая мысль и, в частности, Налбандян в постановку и решение проблемы свободы и необходимости, нужно считать установление связи этой проблемы с освободительной борьбой трудящихся масс.

32 Септ. Поняв свободу, как уничтожение угнетения трудящегося народа, М. Налбандян заострил вопрос о необходимости практической активной борьбы для изменения существующих отношений господства и подчинения.

Однако в силу своей исторической и классовой ограниченности, выступая в основном как идеолог крестьянства, Налбандян не мог видеть действительных путей уничтожения экономического и политического гнета.

Не дойдя до материалистического понимания истории, Налбандян, естественно, не смог научно решить проблему детерминизма и свободы воли.

Лишь марксистская философия, вскрывшая действительную связь между свободой и экономической необходимостью, нашла истинное разрешение этой проблемы и указала верный путь к свободе.